

5. ЕЩЕ РАЗ О ПРОТОСИСТЕМЕ АРМЯНСКОГО АЛФАВИТА
(«ДАНИИЛОВЫХ ПИСЬМЕНАХ»):
УЛАЛОСЬ ЛИ КРИТИКУ «ЗАКРЫТЬ» ОТКРЫТИЕ?

Цель настоящей заметки* — ответить на критические замечания, высказанные К. Н. Юзбашяном в адрес моего исследования о происхождении армянского алфавита¹. Она будет состоять из трех разделов: 1) Общие замечания; 2) Внутренняя логика моей работы как она представляется К. Н. Юзбашяну; 3) Внутренняя логика моей работы как она есть на самом деле. В сносках же — попутный отвод тех упреков в «некорректности», коими меня награждает рецензент и к которым, собственно, сводится вся его аргументация².

Но перед тем, как перейти к существу вопроса, я хотел бы искренне поблагодарить К. Н. Юзбашяна за оказанную мне честь; заверить его в том, что резкость некоторых моих возражений преследует сугубо полемические цели и призвана обратить внимание читателя на упущенные им существенные моменты моей работы, не отражая какого-либо с моей стороны к нему неуважения; наконец, выразить надежду, что так темпераментно открытая им дискуссия на этом не заглохнет, а будет продолжена к вящей пользе месроповедческих исследований.

* * *

1. Общие замечания касаются двух пунктов: а) умолчаний К. Н. Юзбашяна и б) его довольно необычных представлений о природе научной гипотезы и отношении ее к научной теории.

а) В отличие от большинства читателей ИФЖ, К. Н. Юзбашян имел полную возможность, как он об этом сам свидетельствует (Юзб. с. 177 сл. [= 68], прим 2; с. 178 [= 69]), ознакомиться с обеими версиями — как русской, так и французской — моего исследования, а стало быть и со второй его частью, от публикации

---

* [1982. Печатается по правленной авторской машинописной копии. — *Ред.*]

¹ Юзбашян 1982, с. 177-184 [= Юзб., с. 67-76]. Критикуемое исследование опубликовано лишь частично по-русски: см. Муравьев 1980, с. 221-240 [= Мур.1, с. 16-34]. Вторую, заключительную, часть [= Мур.2, с. 35-64], предложенную редакции ИФЖ одновременно с первой, редколлегия так и не удосужилась напечатать. Зато исследование целиком опубликовано по-французски: см. Mouçaviév 1980, р. 55-111. [Ссылки на французское издание всюду замены ссылками на Мур.2. — *Авт.*]

² [См. также мои полемические замечания в подстрочных сносках к Юзб. — *Авт.*]

которой ИФЖ воздержался, хотя получил ее вместе с первой. Тем более удивительно полное игнорирование рецензентом содержания этой части, включая все моменты, имеющие *самое непосредственное отношение* к поднятым им вопросам. Так он ни словом не обмолвился (считая это, по-видимому, второстепенной подробностью) об удивительном согласии, обнаруживающемся между реконструированной мной *протосистемой* (Мур.1, с. 236-238 [=30-33]) — о которой он упоминает лишь вскользь, даже не называя ее так (Юзб., с. 179, внизу [= с. 70]) — и знаменитыми «Данииловыми письменами» древнеармянских историков (Мур.2, с. 23-31), т. е. тем «армянским алфавитом», полученным из Месопотамии (от сирийского епископа Даниила), которому, если верить Корюну, Мовсесу Хоренаци и др., Месроп Маштоц обучал детей *до того, как изобрести окончательный, «месроповский» алфавит*. Эта фигура умолчания позволяет, например, К. Н. Юзбашяну удивляться расхождениям между принципами, лежащими в основе закона рекуррентности (т. е. Данииловых писем), и принципами, которыми руководствовались представители грекофильской школы при транслитерации греческих имен. Даже если допустить, что грекофилы и их учитель Маштоц придерживались одних и тех принципов (а это еще требует доказательств), спрашивается, как мог неизвестный создатель Данииловых писем — к тому же, скорее всего, неармянин — ориентироваться на ученую практику еще не вышедших из младенчества, а то и вовсе не родившихся будущих грекофилов-переводчиков? А ведь достаточно допустить, что автор Данииловых писем ориентировался на живое произношение эллинизированных переднеазиатов, а не на ученое афино-византийское, как позже грекофилы, чтобы отмеченных противоречий не стало.

Надо ли удивляться после этого, что К. Н. Юзбашян обходит молчанием и все те места второй части, где каждое из этих противоречий решается конкретно? См., например, Мур.2, с. 42-43 с прим. 48 (об омофоничности греч. Η Ι Υ и исключении Ϝ и ϝ), с. 49, 54 (о соотношении Ϛ с греч. Η), с. 46-47 с прим. 50 и с. 55 (о переносе Π с места греч. Ω на место греч. Ο), и др. Правда, К. Н. Юзбашян заранее обезопасил себя против этого упрека ссылкой на «линейность» развития моей «исследовательской мысли»: мол, если

5. Еще раз о Данииловых письменах. Удалось ли критику «закрыть» открытие?

из А следует В и если доказано, что А неверно, то автоматически доказана ложность В (Юзб., с. 178 [= 70]). Допустим. Но разве это избавляет добросовестного рецензента от обязанности не выставлять возражений, *на которые уже отвечено в рецензируемой работе*, а если уж выставлять, то с учетом всех приведенных там аргументов?

Следовательно, одно из двух: либо К. Н. Юзбашян просто не осилил французского текста второй части (хотя скорее всего располагал и машинописным русским текстом), либо воспользовался неизбежной неосведомленностью большинства читателей ИФЖ о ее содержании, чтобы ввести их в заблуждение. Я искренно надеюсь, что верно первое предположение¹.

б) Перехожу ко второму пункту. Судя по всему, К. Н. Юзбашян имеет весьма превратное представление о том, что такое научная гипотеза, откуда она берется, как развивается и чем верифицируется. Ему невдомек, что гипотезы берутся не с потолка («автор стремится вывести армянские буквы из набора искусственно созданных знаков»: [Юзб., с. 178 = 68]), не возникают *ex nihilo*, а являются предположениями, подсказанными определенными *наблюдениями*, которые они призваны объяснить. [Я кстати подчеркнул это в самом первом абзаце своей работы (Мур.1, с. 221 = 16)]. Ему невдомек, что в процессе их примерки, «притирки» к объекту, близкие к истине гипотезы могут *развиваться* и *уточняться*, ошибочные же разваливаются и умирают естественной смертью при малейшей попытке вывести их за пределы того наблюдения, которое их вызвало к жизни. Наконец, ему невдомек, что степень достоверности гипотезы измеряется ее *объяснительной силой* и что гипотеза, позволяющая объяснить значительно более широкий круг явлений, чем те, ради которых она была выдвинута, может считаться проверенной и быть возведена в ранг научной теории.

Я уже упомянул «линейность», которую приписывает моей работе К. Н. Юзбашян и которой он пользуется, чтобы оправдать рассмотрение им только первой части исследования. Вот как он ее характеризует: «*Общие выводы С. Н. Муравьева вытекают из*

---

¹ [См. ниже Послесловие 2011, где предложено третье объяснение. — *Авт.*]

результатов последовательно проведенных процедур. При этом между выводами, обусловленными каждой процедурой, наличествует жесткая причинно-следственная связь. При таком линейном развитии исследовательской мысли некорректность хотя бы одной процедуры, недостаточность хотя бы одного промежуточного вывода способна разрушить всю концепцию автора, так что дальнейший разбор становится беспредметным» (Юзб., с. 178 [= 68]). Увы, подобные умозаключения (а точнее сказать, софизмы), истинны только по отношению к вычислениям, т. е. к случаям приложения к каким-то исходным данным определенных, заранее заданных последовательных операций с тем просто, чтобы узнать, что из этого получится: малейшая промежуточная ошибка приводит к неверному результату. В случаях же как наш, задача совершенно иного рода. Она заключается в том, чтобы подобрать такой ряд допустимых операций, который в некоем множестве линейно упорядоченных элементов (алфавите) позволил бы выявить определенную систему, т. е. другой, *скрытый и нелинейный порядок* (рекуррентную), *совместимый с исходным линейным*. Разумеется, это имеет смысл, лишь *если имеются основания подозревать существование такой скрытой системы*: или эта система в нем имеется, и ее действительно удастся (или не удастся) вычленивать с помощью ряда последовательных «процедур» (точнее — серии все более и более детализованных *гипотез* о ее природе); или ее нет, и тогда выявлять попросту нечего. *«Выявление» несуществующей системы — нонсенс*. Возможно только *привнесение* несуществующей системы. Но, во-первых, такое привнесение неосуществимо путем *«последовательно проведенных процедур»*, между выводами которых *«наличествует жесткая причинно-следственная связь»* (оно, напротив, требует множества совершенно произвольных и друг с другом *не связанных* перестановок и натяжек, неизбежно *уничтожающих* исходную линейную упорядоченность), а во-вторых, оно будет обладать почти *нулевой объяснительной силой* по отношению ко всему тому, что в момент привнесения не входило в поле зрения исследователя. Итак, если допустить вслед за К. Н. Юзбашьяном, что закон рекуррентности мною некорректно привнесен с целью доказать, что армянский

5. Еще раз о Данииловых письменах. Удалось ли критику «закрыть» открытие?

алфавит сконструирован «из набора искусственно созданных знаков» (Юзб., с. 178 [= 68]) «из произвольно подобранных геометрических элементов» (Юзб., с. 184 [= 76]), то встает во весь рост вопрос: как же получилось, что с его помощью, путем уточнения, развития и дополнения этой гипотезы, удалось: 1) реконструировать Данииловы письмена, 2) объяснить, почему и как именно Маштоц их усовершенствовал, 3) объяснить, как Маштоц создал из них недостающие буквы, 4) восстановить способ, которым и буквы, восходящие к Данииловым письменам, и дополнительные Месроповские письмена были объединены, чтобы образовать единый сплошной алфавитный порядок, причем б) сделать все это в полном соответствии как с сообщениями древних историков, так и 7) с выводами современных лингвистов о фонологической системе древнеармянского языка?².

Итак, взявшись за разбор одной лишь первой части, К. Н. Юзбашян избрал предметом своей критики лишь самую начальную стадию развития гипотезы и совершенно упустил из виду, что, буде она ошибочна, никакими ухищрениями мне не удалось бы придать ей такую объяснительную силу. Поглядим-ка теперь, как же наш критик опровергает закон рекуррентности.

2. Следуя своему «вычислительному» пониманию развития моей «исследовательской мысли», К. Н. Юзбашян — где эксплицитно, где имплицитно — приписывает мне примерно такую цепочку последовательных действий.

Во-первых, я постулировал некий «основополагающий принцип» (*все знаки армянского алфавита не заимствованы, а имеют искусственное происхождение* : Юзб., с. 178 [= 68]), взяв на вооружение некую «главную идею» («*рукотворность алфавита*», создание его «из произвольно подобранных геометрических элементов» (с. 184 [= Юзб., с. 75-76])³.

Во-вторых, чтобы доказать этот «принцип» и эту «идею», я подверг древнейшие формы армянского алфавита ряду операций:

---

² Все эти пункты К. Н. Юзбашян также обошел молчанием (см. Мур.2, с. 35-64).

³ На самом деле этот «принцип» не априорная аксиома, а основной вывод всего исследования, «идея» же верна лишь по отношению к Данииловым письменам, к алфавиту же в целом она применима лишь со множеством оговорок.

а) исключил все буквы, не имеющие греческих позиционно-фонетических эквивалентов;

б) исключив вдобавок буквы, имеющие греческие эквиваленты I и Y (т. е. Ի и Ի).

в) перенес букву Ո с места, делающего ее эквивалентом греч. Ω, на место, делающего ее эквивалентом греч. Ο ;

...в результате каковых трех операций я получил непрерывный ряд букв, в котором *явственно обнаруживается закон рекуррентности (возвращения): «один и тот же основной элемент возвращается регулярно через каждые 5 или дважды 5 номеров. Графемы же имеющие один и тот же вторичный элемент, располагаются пятерками»* (Юзб. с. 179 [= 69]). (Этот закон наглядно показан на таблице, которую К. Н. Юзбашян воспроизводит из моей работы; см. выше с. 28 или 72]). Как эти — весьма ограниченные — операции могли привести к столь необычному результату — вопрос, над которым рецензент не задумывается. А стоило бы: достаточно было бы К. Н. Юзбашяну попробовать путем лишь трех подобных операций, не нарушающих алфавитного порядка, «подогнать» под закон рекуррентности, или вообще под какую бы то ни было закономерность, распределение графических элементов букв финикийского, греческого, латинского, славянского и какого угодно другого алфавита, чтобы он убедился, что закона рекуррентности подгонкой не получить.

В-третьих, признав, что такая упорядоченность — плод сознательного творчества, я из упорядоченности частичной реконструировал упорядоченность полную (т. е. *протосистему*, отождествляемую мной с *Даниловыми письменами*, но об этом К. Н. Юзбашян хранит многозначительное молчание) и добавил к ней 4 буквы. *«На основе этой девтеросистемы, состоявшей уже из 24 знаков, и появился армянский алфавит, заключает исследователь»*, пишет он (с. 179 [=Юзб. 70])⁴. Ни об одном из дальнейших фундаментальнейших выводов второй части наш критик не упоминает

⁴ Это утверждение искажает мою мысль (нужно было написать: «На основе этой прото- или девтеросистемы Месроп Маштоц создал все 36 армянских букв и расположил их в алфавитном порядке»), а последние два слова внушают читателю, что на этом и заканчивается моя работа, тогда как главные ее выводы еще впереди (см. прим. 2).

5. Еще раз о Данииловых письменах. Удалось ли критику «закрыть» открытие?

даже вскользь.

Соль же опровержения К. Н. Юзбашяном всей моей теории заключается в следующем. Он доказывает,

- что от операции $\bar{b}$ (исключения $\mathfrak{h}$ и $\mathfrak{h}$) надо воздержаться, ибо она «является совершенно не оправданным нарушением принципа, внесенного в исследование самим автором» (Юзб., с. 184 [= 75]), т. к. «нет никаких оснований для... исключения (букв $\mathfrak{h}$ и $\mathfrak{h}$) из состава "греческих"» (там же);
- что надо отказаться и от операции $\bar{v}$ (переноса Π), поскольку греческая *омега* чаще всего транслитерировалась сочетанием $\Pi\check{c}$, а *омикрон* — буквой Π (Юзб., с. 181 сл. [= 73]);
- что соотнесение с греч. Π буквы $\mathfrak{b}$, а не $\mathfrak{z}$, неоправдано в виду аналогичного правила транслитерации, а также — в виду соотнесения $\mathfrak{z}$ с греч. Π в армянском переводе Дионисия Фракийца (Юзб., с. 182 [= 73]; и, наконец,
- что я пользуюсь незасвидетельствованной формой буквы $\mathcal{S}$ и вторичной формой буквы $\mathcal{N}$ (Юзб., с. 180 сл. [= 71]).

Если исправить все эти «некорректности», то... «*никакого “закона рекуррентности” не наблюдается*» (Юзб., с. 184 [= 75]: ср. его табл. III на с. 183 [= 75]).

Если немного огрубить аргумент К. Н. Юзбашяна, то можно сказать, что он сводится к следующему трюизму: *закон рекуррентности не наблюдается, если не выполнять те (минимальные и притом объяснимые) условия, которые потребовались для его выявления.*

Но пора поставить все с головы на ноги и продемонстрировать истинную логику развития и уточнения гипотезы об изначальной полной рекуррентности каких-то элементов.

3. В начале были не «принцип», не «идея», а следующее *наблюдение*. Даже в абсолютно девственном от каких-либо операций месроповском алфавите заметна достаточно регулярная повторяемость отдельных элементов: основных через большие интервалы, вторичных — в виде гнезд. Чтобы в этом убедиться, достаточно изучить таблицу III (Мур.1, с. 225 [= 20]) и рис. 1 (ниже). Конечно, возвращение одинаковых элементов через более или менее равные интервалы или их скопление в определенных местах здесь налицо лишь в виде намека. И тем не менее два факта настораживают:

большинство армянских букв состоят из двух элементов — основного и вторичного (Мур.1, с. 225-227 [= 19-21]); способ упорядочивания их — один для основных и другой для вторичных элементов. Оба наблюдения вместе наводят на мысль о перекрестном (матричном) способе конструирования какой-то части букв из двух рядов заданных заранее элементов. Такова была *исходная гипотеза*, которую следовало проверить и по возможности развить.

Конечно, этот намек на упорядоченность мог быть число случайным, но тогда (я это подчеркиваю, поскольку мой критик совершенно не отдает себе в этом отчета) только что сформулированная гипотеза оказалась бы скомпрометированной *с порога* и не привела бы к обранужению какой бы то ни было рекуррентии, разве что ценою разрушения того самого, без чего рекуррентия теряет всякий смысл: *алфавитного порядка*. Если, напротив, был обнаружен след реальной упорядоченности, то ее необходимо было выявить, прояснить, а для этого существовал лишь один способ: определить то множество букв, в пределах которых она наличествовала, восстановить реальные условия, в которых предполагаемая закономерность функционировала. Это множество могло быть равным алфавиту, бóльшим, (если предположить утрату части знаков) или меньшим, но оно должно было соотноситься с каким-то жестко заданным, от исследователя независимым алфавитным порядком, *связанным с греческим*. И, что важно, определение этого множества должно было осуществляться не с помощью произвольных перестановок, а с учетом внутренней структуры самого алфавита.

Наиболее очевидная структурная особенность армянского алфавита — деление его букв относительно греческих на неспецифические и специфические и следование первых греческому алфавитному порядку. Если к тому же учесть, что большинство случаев квази-рекуррентии, отмеченных в рис. 1, касаются именно «греческих» (неспецифических) букв, естественно было выделить всё их подмножество из 22 букв и посмотреть, не является ли предполагаемая закономерность их исключительной прерогативой.

5. Еще раз о Данииловых письменах. Удалось ли критику «закрыть» открытие?

	-	-	-	?	
U	U _A	Q _Z	U _M	U _Σ	3
		E	З	ц	
∩	F _B	∩ _H	∩ _N	∩ _T	3
?	♀ _Г	♀ _Θ	∩ _Э	Г	?
		♂	∩ _O	δ	
			∩		
∩	∩ _Δ		∩ _Π		2
I		∩ _I		∩ _Y	2
		L			
		∩		Φ _Φ	
		δ			
∩	∩ _E	∩ _K		∩ _X	2
		<			
		∩	∩		
		∩ _Λ	∩ _P		
		X			
	4	5	3	?	12+12

Рис. 1. Рекуррентность элементов 36-значного Месроповского алфавита

Таково было *первое уточнение* исходной гипотезы, приведшее к рис. 2, в котором действительно налицо уже не квази-, а вполне определенная и последовательная рекуррентность. (Сопоставь с табл. III К. Н. Юзбашяна, где тот же практически набор букв механически разбит на бессмысленные пятерки.) Причем я беру на себя смелость

утверждать, что вероятность случайного образования даже этой, еще весьма скромной упорядоченности, полученной исключительно «корректным» путем (одною лишь операцией *a*), очень мала.

	-	-	-	?	
U	Ա _A	Ձ _Z	Մ _M	Ս _S	3
Ը	Բ _B	Ը _H	Ն _N	Տ _T	3
?	Գ _G	Թ _Θ	Շ _Ξ	Ի _Υ	?
?	Դ _Δ	Ի _I	Ո _O	Փ _Φ	0
Ն	Ե _E	Կ _K	Պ _Π	Խ _X	2
?		Լ _Λ	Ր _P		0
	4	4	3	?	11+8

Рис. 2. Рекуррентия элементов 22-значного подмножества «греческих» букв

Одного взгляда на рис. 2 (и на все прочие иллюстрации) уже достаточно, чтобы понять, что эквивалентом греч. Н нужно считать не Է, а Ը. На этой стадии исследования, это лишь мелкое уточнение гипотезы. Но для вящей убедительности, да будет мне позволено забежать вперед и пояснить, почему такое допущение возможно. 1) буквы Է и Ը, будучи соседями, могут обе позиционно соотноситься с греч. Н; 2) они обе — гласные, близкие по звучанию к греч. Н, но в эпоху создания алфавита Է обозначала дифтонг, а Ը — монофтонг, как и Н; 3) в Передней Азии греч. Н в то время уже звучала [i], и так же воспринималось греками и арм. [ə], ср. транслитерацию Τριδάτας «Трдат» (Лукиан Самосатский, «Разговоры гетер» 9,2)⁵; 4) *послемаштоцевская* практика транслитерации греч. Н через Է иррелевантна к вопросу о *домаштоцевской* соотнесенности графемы Ը; наконец, 5) из всего хода исследования вытекает, что эта графема первоначально (в

⁵ См также Тацит, «Анналы», 12 слл., Иосиф Флавий, «Иудейские войны», VII, 244-251, и др.

5. Еще раз о Данииловых письменах. Удалось ли критику «закрыть» открытие?

Данииловых письменах) обозначала звук [i], а [ə] — только во вторую голову, так сказать по совместительству, пока не были изобретены буквы Ի и Յ (подробнее см. Мур.2, с. 49 сл., 54)⁶.

Но и на рис. 2 закон рекуррентии явно чем-то затемнен: одинаковые основные элементы букв Ո и Ռ, Դ и Պ⁷ почему-то стоят в разных рядах... Но постойте! Чтобы ни того, ни другого дефекта не стало *одним махом*, достаточно переместить букву Ո в конец, т. е. рассматривать ее как эквивалент не греч. Ο, каковым она является в месроповском алфавите, а греч. Ω. Таково было *второе уточнение* исходной гипотезы, уточнение, приведшее к рис. 3.

Надо ли и здесь пояснять, что соотношение Ո с греч. Ω не менее естественно, чем соотношение с греч. Ο? Основания: 1) обе греческие буквы с точки зрения армянской фонологической системы звучали одинаково [o] (т. е. были омо- или аллофонами); 2) послемаштоцевская практика транслитерации греч. Ω через ՈՉ (если такое правило не плод ошибочного умозаключения современных

---

⁶ Стоит отметить и сходство названий *эты-иты* и *эт'*.

⁷ Мнение К.Н.Юзбашяна, будто первична форма Պ (засвидетельствованная только один раз — на форзаце рук. № 1577 Матенадарана [датировка которого была сильно завышена ее публикаторами. — *Авт.*]), а не Պ, противоречит всем законам палеографии: 1) из двух форм как правило первична более капитальная (Պ), вторична — более курсивная (Պ); 2) форма Պ, засвидетельствованная с 490 г. надписями, могла попасть в них только с мягкого материала: алфавит ведь был создан прежде всего для написания книг; 3) в мировой палеографии не известно примеров появления в эпиграфике новой, отсутствующей в рукописях, формы и переноса этой инновации на мягкий материал. Вывод: форма Պ — ранний эпизодический вариант графемы Պ. Ошибается К.Н.Юзбашян и относительно буквы Տ : примеров формы с абсолютно прямым нижним вторичным элементом (Տ) мной действительно пока не обнаружено, но я и не утверждал обратного (см. Мур.1, с. 225 сл. [= 19 сл.], прим. 7, таблица, где эта форма помещена в колонку реконструированных): зато форма Տ с нижним вторичным элементом, загнутым слева кверху (инерционный загиб), но все же образующим прямой угол с основным элементом, засвидетельствована. В своей работе я ссылался на текорскую надпись (в которой, кстати, ту же форму видел и Абрамян 1959, с. 88), но если этот пример кажется К. Н. Юзбашяну неубедительным, могу отослать его к другому древнему памятнику — надписи на иерусалимской мозаике, изображающей птиц, одна из которых в клетке. В первой строке этой надписи, в слове ՅԻՇԱՏԱԿԻ, буква Տ имеет точно ту же форму, что и у меня на таблицах I, II, и III (Мур.1, с. 223-225 [=18-20]): см репродукцию в кн. Der Nersessian 1977, p. 68, fig. 45.

	-	-	-	?	
Ս	Ս _A	Չ _Z	Մ _M	Ս _Σ	3
Ը	Բ _B	Ը _H	Ն _N	Տ _T	3
?	Գ _Г	Թ _Θ	Շ _Ξ	Ի _Υ	?
Ղ	Ղ _Δ	Ի _I	Պ _Π	Փ _Φ	2
Լ	Է _E	Կ _K		Ք _X	2
Ո		Լ _Λ	Ր _P	Ո _Ω	2
	4	4	3	?	11+12

Рис. 3. Рекуррентия элементов 22-значного подмножества «греческих» букв при толковании буквы Ո как эквивалента греч. Ω

филологов)⁸ irrelevantна к вопросу о маштоцевской соотнесенности графемы Ո; 3) перенесение Маштоцем Ո с места *омеги* на место *омикрона* имело вескую мотивировку: желание освободить последнее место в алфавите букве Ք — греческой монограмме (и армянскому инициалу) имени Христа (подробнее: Мур.2, с. 46-47 и прим. 50, с. 57).

Но рис. 3 ставит ребром вопрос: действовал ли закон рекуррентии в подмножестве из 20, 22 или 24 букв? Найти две буквы для пустующих клеток не удастся — все «греческие» буквы уже использованы, а единственные «негреческие», которые можно как-то привязать к греческому алфавитному порядку («полугреческие» Ը и Ը), этот порядок нарушили бы, ничуть не способствуя при этом выявлению рекуррентии. Но и сохранить эти пустые клетки трудно (другое дело, если бы они позиционно соответствовали опущенным греч. Ο и Ψ!). Следовательно нужно две буквы *изъять*. Впишем в матрицу из 20 клеток все отмеченные выше рекуррентии элементы

⁸ Насколько я могу судить, сочетание ՈԸ использовалось просто для передачи дифтонга [ow] — во избежание написания ՈԸ, которое читалось бы [u]. Именно так должно было восприниматься на слух греческое сочетание ΩΥ (Μωυσῆς > Մուսէս) и так могло восприниматься Ω в результате интервокальной лабиализации перед открытым гласным (Γω[w]άβνης > Յուգաւնէս), да и вообще любое Ω, произнесенное с соблюдением долготы, т.е. пуристом-грамматиком (из обиходной речи греков долгота исчезла уже в III в. н.э.).

5. Еще раз о Данииловых письменах. Удалось ли критику «закрыть» открытие?

и вставим между ними те другие буквы, относительно положения которых не может быть двух мнений (рис. 4).

Выясняется, что $\mathcal{L}$ — не рекуррентный элемент, что в 8-й и 9-й клетках рис. 3 мы имели выбор между $\mathcal{P}$ $\mathcal{H}$ и $\mathcal{C}$, а в 18-й и 19-й —

	-	-	-	?	
$\mathcal{U}$	$\mathcal{Q}_A$	$\mathcal{Q}_Z$	$\mathcal{U}_M$	$\mathcal{U}_\Sigma$	3
$\mathcal{P}$	$\mathcal{C}_B$	$\mathcal{C}_H$	$\mathcal{C}_N$	$\mathcal{C}_T$	3
?	$\mathcal{P}_\Gamma$	$\mathcal{P}_\Theta$	$\mathcal{C}_E$	Φ_Φ	?
$\mathcal{P}$	$\mathcal{C}_\Delta$	$\mathcal{C}_K$	$\mathcal{P}_\Pi$	$\mathcal{P}_X$	2
$\mathcal{P}$	$\mathcal{C}_E$	$\mathcal{C}_\Lambda$	$\mathcal{P}_P$	$\mathcal{P}_\Omega$	2
	4	3	3	?	10+10
	-	-	-	?	
$\mathcal{U}$	$\mathcal{Q}_A$	$\mathcal{Q}_Z$	$\mathcal{U}_M$	$\mathcal{U}_\Sigma$	3
$\mathcal{P}$	$\mathcal{C}_B$	$\mathcal{C}_H$	$\mathcal{C}_N$	$\mathcal{C}_T$	3
?	$\mathcal{P}_\Gamma$	$\mathcal{P}_\Theta$	$\mathcal{C}_E$	Φ_Φ	?
$\mathcal{P}$	$\mathcal{C}_\Delta$	$\mathcal{C}_K$	$\mathcal{P}_\Pi$	$\mathcal{P}_X$	3
$\mathcal{L}/\mathcal{P}$	$\mathcal{C}_E$	$\mathcal{C}_\Lambda$	$\mathcal{P}_P$	$\mathcal{P}_\Omega$	2 / 2
	4	3	3	?	10+11

Рис. 4 и 5. Рекуррентность элементов 20-значного подмножества «греческих» букв в отсутствие армянских эквивалентов греческих букв омонимов $\mathcal{I}$ и $\mathcal{Y}$

между $\mathcal{H}$ Φ и $\mathcal{P}$. Какие же две из этих шести могли хоть в каком-то смысле считаться «лишними»? Для меня как филолога-классика не могло быть сомнения: эквиваленты греч. $\mathcal{I}$ и $\mathcal{Y}$, звучавших в Передней Азии так же, как $\mathcal{H}$, т. е. [i]. Таково было *третье уточнение* исходной гипотезы, приведшее к рис. 4 и 5 (= моей табл. VI [с. 1-28] = табл. I [с. 72] К. Н. Юзбашяна), уточнение, подтвержденное всем

дальнейшим ходом исследования. Разница между рисунками 4 и 5 заключается в том, что во втором из них число рекурренций основных элементов увеличено на единицу благодаря еще одному, последнему и совершенно неизбежному уточнению: пермутации знаков (но не значений) $\mathcal{L}$ и $\mathcal{U}$ ⁹.

Ни одна буква в этих рисунках не нарушает алфавитного порядка соответствующих греческих букв, и незначительные изменения, допущенных относительно 22-значного подмножества, *мотивированы* (соотнесение Π с греч. Θ — вторично; исключение греч. Γ и Υ из ряда звуковых значений связано с их «акрофонической омофоничностью» букве $\mathcal{H}$: ср. ита - ипсилон - иота); мотивировано и соотнесение $\mathcal{L}$ с греч. $\mathcal{H}$. При этом выявляется строгая рекуррентность 10 (из 20) основных и 9 или 11 (тоже из 20) вторичных элементов.

Спрашивается: мыслимо ли путем этих трех изменений привнести в 22-значное подмножество «греческих» букв отсутствующую в нем графическую упорядоченность, жестко фиксирующую положение 19-21 элемента из 40? А ведь именно в этом грехе меня обвиняет К. Н. Юзбашян.

Последнее. Сказанное касалось только исходной гипотезы. А ведь за ней последовал ряд других гипотез:

1) рис. 5 есть результат переделки Маштоцем некоей «протосистемы» (рис. 6), *где все элементы были рекуррентны*;

2) эта 20-значная протосистема (рис. 6) есть не что иное, как «Данииловы письма» армянских историков;

3) буквы $\mathcal{H}$ $\mathcal{L}$ $\mathcal{R}$ $\mathcal{U}$ образуют 6-й ряд знаков, добавленный к «протосистеме» и превращающий ее в 24-значную «двтеросистему» (рис. 7);

4) Месроп Маштоц частично переделал Данииловы письма, чтобы устранить определенные их дефекты (в частности недостаточную дифференцированность некоторых форм), причем переделал

---

⁹ Мотивация этой перестановки менее очевидна, чем остальные уточнения (см. Мур.2, с. 47); зато неизбежность ее вытекает непосредственно из самой структуры реконструированной протосистемы (рис. 6).

5. Еще раз о Данииловых письменах. Удалось ли критику «закрыть» открытие?

	-	-	-	
U	U _A	U _Z	U _M	U _Σ
∩	F _B	∩ _H	∩ _N	∩ _T
O	Θ _Γ	Q _Θ	σ _Ξ	Φ _Φ
∩	∩ _Δ	∩ _K	∩ _Π	∩ _X
∩	∩ _E	∩ _Λ	∩ _P	∩ _Ω

Рис. 6. Исходная протосистема Данииловых письмен-20

	-	-	-	
U	U _A	U _Z	U _M	U _Σ
∩	F _B	∩ _H	∩ _N	∩ _T
O	Θ _Γ	Q _Θ	σ _Ξ	Φ _Φ
∩	∩ _Δ	∩ _K	∩ _Π	∩ _X
∩	∩ _E	∩ _Λ	∩ _P	∩ _Ω
	I _I	L _Λ	Γ _P	I _Y

Рис. 7. Девтеросистема Даниилово-Месроповких письмен-24

не наугад, а по определенным правилам; [см. выше, Мур.2, с. 45-47]

5) Маштоц сконструировал недостающие («специфические», «негреческие») буквы путем графической трансформации фонетически наиболее близких им наличных букв; [см. выше, Мур.2, с. 52-57]

6) алфавитный порядок получен путем включения упорядоченных новых букв в матрицу «Данииловых письмен», привязки их к старым и развертки и тех, и других в порядке греческого алфавита;

...и многие другие гипотезы, в своей совокупности составляющие стройную теорию происхождения армянской письменности,

которая не только «вытекает из результатов» «процедур» исходной гипотезы, но и самим своим существованием подтверждает ее справедливость.

Такова «бесплодность» моей попытки *«решить проблему умозрительно, без учета историко-культурного фона эпохи»* (Юзб., с. 184 [=с. 76])!

Итак, «закрыл» ли критик открытие?

5. Еще раз о Данииловых письменах. Удалось ли критику «закрыть» открытие?

ПОСЛЕСЛОВИЕ (2011)

«Закрыл ли критик открытие?» спросил я в 1982 году. Мой был глас вопиющего в пустыне.

Увы, да. Закрыл. На 30 лет. В течении которых занимался я иными сюжетами, и арменологи тоже спорили об ином... Готовя подборку, вспомнил испытанную тогда горечь, дорогой Карен Никитич, снова пережил досаду при чтении твоего столь же авторитетного сколь и безосновательно безапелляционного мнения. Снова задал себе старые вопросы: Неужели ты действительно не понял? А если понял, неужели лукавил?

Но об ушедших — только хорошее. Умнейший ты был человек. Как блестяще построено опровержение! Как умело, до мельчайших деталей, пересказана статья! И как ловко упомянута (а затем тотально проигнорирована) ее французская версия в «Ревю» и как прочно похоронено в портфеле ИФЖ ее русское продолжение!

Значит, схитрил? Знал, понял и вынес приговор? Я долго так думал. Теперь не думаю. Скорее выполнял «социальный заказ» своих коллег — «специалистов».

Это же была не твоя тема. Но надо было пресечь вылазку очередного фантазера и выскочки. Да еще такого, которого голыми руками «специалисту» не взять. Нужен был бесспорный авторитет. А не то, наломает дров. Также благородная задача. Лишь бы не ошибиться в выборе объекта. Мысль, что я могу быть прав, тебя даже не коснулась. Тебе и в голову не приходило, что тут может быть зарыто и нечто стоящее. А что достойным людям я могу напортить много крови, это было самоочевидно. Главное: найти где слабó, чтоб не печатать следующей части. С этой задачей, признаюсь, ты справился мастерски. Ход конем: скovyрнуть все строение, лишив его фундамента, объявив оный трухлявым... Упустил самую малость: суть.

Читал ли ты мой ответ? Не знаю. Думаю, да. И смолчал.

Мир твоему праху, Карен Никитич. Скоро настанет и мой черед. Каждому своё. Один случайно наткнулся на тайну великого Маишоца. Другой, рассеянный с Бассеинной, проворонил ее и чуть ли не угробил. Теперь мой ревани. Ну и что? Суета сует всё это и томление духа. Молодые нас рассудят, а земля да будет нам общим пухом.

Так что Месроп нас даже как бы сблизил. До скорой встречи...

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абрамян А. Г. 1948 — Армянская палеография [арм. яз.], Ереван
1959 — Армянское письмо и палеография [арм. яз.], Ереван
1973 — Армянское письмо и письменность [арм. яз.], Ереван
1978 — Армянская криптография [арм. яз.], Ереван
- Агаян Э. Б. 1964 — Грамматика грабара [арм. яз.], ч. I, Синхрония, Ереван
- Allen W. Sidney 1968 — *Vox Graeca* [англ. яз.], Cambridge
- Амирова Т. А. 1977 — К истории и теории графемики, Москва
- Ачарян hP. 1968 — Армянские буквы [арм. яз.], Ереван
- Барсов Н. 1895 — Крест Иисуса Христа и его изображения, «Энциклопедический словарь Бр окгауза и Ефрона, т. 16 (п/т. 32), СПб. 1895
- Вардан Бардзбердци (Великий) 1861 — Всемирная история [др.-арм. яз.] изд. Мкртич Эмин, М., 1861; Всеобщая история [рус. яз.], пер. Н. Эмин, М. 1861
- «Вардангирк» 1867 — Vartankirkh (= Osgueporig) [др.-арм. яз.], «Journal Asiatique», févr.-mars 1867, p. 199 ss.; см. франц. пер. в : Collection des historiens anciens et modernes de l'Arménie, t. II, Paris, 1869 (Introduction par V. Langlois, p. 7), а также : Vazmaver, 1887, с. 197
- Gardthausen V. 1911–1913 — *Griechische Paläographie*, 2. Aufl., Leipzig
1924 — *Das alte Monogramm*, Leipzig
- Давид Харкаци 1903 — [Фрагменты, др.арм. яз.] изд. Г. Тер Мкртчян, Вагаршапат
- Der Nersessian S. 1977 — *L'art arménien*, Paris
- Дионисий Фракийский 1915 — «Искусство грамматики», см. Дионисий Фракийский и армянские толкователи. Изд. и исследовал Н. Адонц, Петроград
- Евсевий Кесарийский, Житие Константина
- Kaufmann R. M. 1913 — *Handbuch der christliche Archäologie*, Paderborn
- Кафадарян К. Г. 1962 — Армянская надпись V века на Текорской церкви и первоначальные формы месроповского алфавита (арм. яз.), «Историко-филологический журнал» 1962, № 2, с. 39-54
- Киракос Гадзакечи 1910, 1946, 1976 — История Армении [др.-арм. яз.], Тифлис, 1910; [рус. яз.] пер. Г. Тер Григорян, Баку, 1946 и пер. Л. А. Хаплярна, М., 1976
- Корюн 1941, 1962 — «Житие Маштоца» [др.-арм. яз.], изд. М. Абемян (1941) ; [рус. яз.] пер. Ш. Смбатян и К. Мелик-Огаджанян (1962), переизд. Ереван (1981)

БИБЛИОГРАФИЯ

- Лазар Парбеци 1904, 1869 — История Армении [др.-арм. яз.], изд. Г. Тер Мкртчян и Ст. Малхасянц, Тифлис, 1904; Lazare de Pharbe, Histoire d'Arménie, trad. par le P. Samuel Ghésarian (Collection des historiens anciens et modernes de l'Arménie, t. II, Paris, 1869)
- Лукиан Самосатский, Суд гласных
- Люблинская А. Д. 1969 : Латинская палеография, М.
- Macalister R. A. S. 1976 — The Secret Languages of Ireland..., Amsterdam
- Март Н. Я. 1914 — К датировке ктиторской надписи Текорского храма, «Христианский Восток», т. 3, 1914, вып. 1, с. 56-71, табл. I-II
- Maunde Thompson E. 1912 — An Introduction to Greek and Latin Palaeography, Oxford
- Мовсес Хоренаци (Моисей Хоренский) — Собрание сочинений [др.-арм. яз.] Венеция, 1865 ; История Армении [др.-арм. яз.], изд. М. Абемян и С. Арутюнян, Тифлис, 1913; [рус. яз.] пер. Н. Эмин, М. 1858, нов. пер. 1893
- Муравьев (Mouraviev) С. Н. 1980 — О протосистеме армянского алфавита, «Историко-филологический журнал», 1980, № 2, 221-240 [= Мур. 1]
- 1980 — Les caractères daniéliens (identification et reconstruction); Les caractères mesropiens (leur genèse reconstituée), «Revue des études arméniennes» XIV, 1980,
- 1985 — Тайна Месропа Маштоца, «Литературная Армения», 1985, № 2, 83-102 [ср. Мур. 3]
- 2006 — Происхождение названий букв армянского алфавита [рус. яз.], «Международная конференция, посвященная 1600-летию изобретения армянской письменности» [арм. и др. яз.], Ереван
- 2010 — Erkataguir ou Comment naquit l'alphabet arménien, Sankt Augustin
- Ольдерроге (Olderoge) Д. А. 1969 — Les anciennes relations entre l'Arménie et l'Ethiopie (histoire d'une écriture), Moscou, 1969 (IVe Conférence internationale des études éthiopiennes)
- 1975 — Из истории армяно-эфиопских связей (Алфавит Маштоца), «Древний Восток», сб. I. К семидесятилетию академика М. А. Коростовцева, М.
- Орбели И. А. 1961 — Избранные труды, Ереван
- Ориген, Комментарий к Евангелию от Иоанна
- Pataridze R. 1975 — Die graphischen Grundlagen der armenischen Schrift, «Wissenschaftliche Zeitschrift der Friedrich-Schiller Universität, Jena», Gesellschafts- u. Sprachwiss. Reihe, 24, 1975, H. 5/6

- Периханян А. Г. 1966 — К вопросу о происхождении армянской письменности : «Переднеазиатский сборник», т. 2, М., 1966, 103-133
- Ross King 1996 — в кн.: Peter T. Daniels & William Bright (edd.), *The World's Writing Systems*, Oxford, 1996
- Самуэл Анеци (Samuel d'Ani) 1893 — Выборки из исторических книг (др.-арм. яз.), изд. А. Тер Микелян
- 1876, *Tables chronologiques (Collection d'historiens arméniens traduits par M. Brosset, t. II)*. St. Pétersbourg
- см. также франц. пер. в : *Collection des historiens anciens et modernes de l'Arménie, t. II*, Paris, 1869 (Introduction par V. Langlois, p. 6)
- Севак Г. Г. 1962 — Месроп Маштоц, Создание армянских письмен и словесности, Ереван
- Степанос Таронеци Асолик 1885 (Стефан Таронский Асохик 1861) — Всемирная история [др.-арм. яз.], изд. С. Малхасянц, СПб. ; Всеобщая история [рус. яз.] пер. Н. Эмин, М.
- Тацит, *Анналы*
- Туманян Э. Г. 1971 — Древнеармянский язык, Москва
- Thumb A. 1959 — *Die griechischen Lehnwörter in Armenischen*, «Byzantinische Zeitschrift» IX, 1959
- Фридрих Й. 1979 — История письма, пер. с немец., М.
- «Хангыль» [анонимная статья Уикипедии] — ru.wikipedia.org/wiki/хангыль
- Хроника анонимная 1904 — [др.-арм. яз.] издана в Венеции
- Schwyzler E. 1968 — *Griechische Grammatik*, 4. Aufl., Bd I, München
- Эмин Н. 1858 — см. Мовсес Хоренаци 1858
- Юзбашян К. Н. 1982 — Новая попытка истолковать происхождение армянского алфавита: открытие или заблуждение?, «Историко-филологический журнал», 1982, № 1, 177-184 [= Юзб.]